

Глава 6

Перспектива наконец-то съехать из Старого поместья семьи Мэй была для Гу Цина лучшей новостью за последнее время. Без постоянного надзора ничто не мешало его мести, поэтому, стоило Мэй Цзибаю озвучить условия, как Гу Цин принялся образцово-показательно их выполнять — пункт за пунктом.

За обеденным столом он свято чтит правило «молчание — золото». Лишнего не болтал, на вопросы отвечал кратко, а со старшими был подчеркнуто почтителен — поддакивал во всем. Колкие замечания Е Байцина он просто пропускал мимо ушей, а если уж ситуация становилась совсем неловкой, переводил взгляд на Мэй Цзибая. Тот на удивление ловко умел разрядить обстановку, оставляя младшего брата, получившего нагоняй от старшего, в полном недоумении.

Настроение у Гу Цина было отличным. Велели разложить одежду — разложил. Сказали ставить зубную щетку под определенным углом — поставил. Велели выставлять обувь носками на восток — он и про стороны света мигом вспомнил. Рано вставать? Да без проблем! Он просто ложился в восемь вечера. Стоило как следует выспаться, и утренняя раздражительность исчезала сама собой.

Главное — поскорее выбраться из Старого поместья семьи Мэй, а уж там он развернется!

В конце концов, они договорились: за порогом поместья он волен делать что угодно. Гу Цин не боялся, что Мэй Цзибай решит свести счеты позже. Тот хоть и был в делах сердечных тем еще мерзавцем, в этом вопросе заслуживал доверия.

Благодаря новому режиму Гу Цин стал просыпаться сам, без будильника. Пришлось признать: здоровый сон творил чудеса, и днем голова соображала куда лучше — приятный бонус.

В компании дела тоже постепенно налаживались. Гу Цин не считал себя бездарностью и готов был пахать, так что в успехе не сомневался. Сегодня ему предстояли важные переговоры по цепочке поставок с семьей Шэнь. Они были лидерами в логистике свежих продуктов, а для ресторанного бизнеса это — вопрос жизни и смерти.

Едва гость вошел в кабинет, Гу Цину показалось, что он его уже где-то видел.

Заметив, как хозяин кабинета в замешательстве хмурится, Шэнь Боянь первым протянул руку.

— Давайте познакомимся заново, молодой господин Гу... нет, теперь уже господин президент. Слышал, сегодня дела веду я с вами, и это меня весьма заинтриговало.

Гу Цин пожал протянутую ладонь, и тут его осенило. Эту болезненную, хрупкую красоту он действительно видел — в тот самый день, когда переродился. В баре.

Тогда все его мысли были заняты тем, что он очутился в другом теле, и он не обратил внимания на окружающих. Но Шэнь Боянь был из тех людей, что выделяются в любой толпе.

Изысканные, почти девичьи черты лица, налет болезненности, который он носил с изяществом человека, привыкшего играть с жизнью, и затаенная в глазах яростная жестокость — этот коктейль противоречий врезался в память мгновенно.

— Действительно, пора познакомиться заново, — улыбнулся Гу Цин. — Раньше я валял дурака с Ян Сюем и остальными, но теперь с этим покончено. Пора заняться серьезными делами.

Шэнь Боянь внимательно изучал его лицо, не скрывая удивления. Перемены в Гу Цине были разительными.

— Ян Сюй несколько раз донимал меня расспросами, не знаю ли я, что с тобой стряслось и почему ты внезапно оборвал с ними все связи.

Видя, что Шэнь Боянь не спешит переходить к делам, Гу Цин не стал настаивать. Он кивком отпустил вице-президента и ассистента; люди Шэнь Бояня тоже вышли.

Когда в кабинете остались только они двое, Гу Цин вольно откинулся на спинку дивана и лениво протянул:

— Что-то я не припомню, чтобы ты хоть раз сам об этом спросил.

Шэнь Боянь холодно усмехнулся, и в его взгляде проскользнула ирония.

— Зачем? Не хватало еще возиться с шутами. Я не хотел мешать вашей семейной идиллии с Мэй Цзибаем.

«Семейной идиллии?» Насколько Гу Цин знал, Шэнь Боянь презирал и прежнего владельца этого тела, и Ян Сюя, а водился с ними исключительно от скуки.

— Конечно, идиллии, — продолжал Шэнь. — Раньше я думал, что ты просто фанат-перевертыш: на людях обожаешь, а за спиной мешаешь Мэй Цзибая с грязью. Вечно ты суетился... А теперь? Не знаю, о чем вы договорились после свадьбы, но то, как он позволяет тебе вести себя на публике и как подыгрывает... Похоже, я ошибся. Ты не просто пустая кукла с красивым лицом.

Гу Цин усмехнулся. Да уж, этот тип видел прежнего Гу Цина насквозь.

— Просто я... головой сильно ударился. Просветление снизошло, — гнул свою линию Гу Цин.

Шэнь Боянь пожал плечами, его улыбка стала предвкушающей.

— Ты всегда был его хейтером под маской фаната. Теперь вы поженились, и на людях у вас такая страсть... Какую игру ты ведешь на самом деле?

— Никакой игры. Я им восхищаюсь, он мне нравится. Разве мы не можем быть близки?

— Можете. Только вот... не ты ли пару дней назад рассылал сообщения о том, какой он помешанный контролер?

Под пытливым взглядом Шэнь Бояня Гу Цин внешне оставался расслабленным, но внутренне подобрался. У него не было друзей, полагаться приходилось только на себя. Малейшая оплошность могла стоить слишком дорого.

Этот человек явно знал о прошлом Гу Цина слишком много. И, судя по всему, про аккаунт анти-фаната — тоже.

— Сначала я им действительно восхищался, — твердо произнес Гу Цин. — Но он не обращал на меня внимания, вот я и изливал душу в сети. Теперь мы женаты, он не сторонник холодного насилия, и если я не воспользуюсь шансом наладить отношения и влюбить его в себя, то я просто дурак.

Он сделал паузу и добавил:

— Да, у него обсессивно-компульсивное расстройство, он помешан на контроле, я жаловался на это. Но одно другому не мешает. Настоящее фанатство всегда граничит с ненавистью, а ненависть — это лишь обратная сторона любви. Чем больше я его песочу, тем сильнее люблю.

— Вот как? — протянул Шэнь. — Довольно шизофренично.

«Обстоятельства вынуждают», — подумал Гу Цин, но вслух сказал:

— Насчет этого дела...

— Ты в одностороннем порядке сох по Мэй Цзибаю, а тот на тебя и смотреть не желал — об этом все знают. А вот аккаунт анти-фаната — это тайна. Я узнал о нем случайно. Не уверен, знает ли кто-то еще. Из твоего окружения ближе всех к тебе был Ян Суй. Насчет меня не беспокойся: бежать к Мэй Цзибаю с доносом — это ниже моего достоинства. Я еще хочу досмотреть это шоу до конца, так что рушить декорации не в моих интересах.

Гу Цин невольно улыбнулся:

— Ясно. Буду иметь в виду.

Это предупреждение было весьма своевременным. Разоблачение аккаунта сейчас было ему совсем ни к чему — он даже представить не мог, как на это отреагирует Е Ваньжун и в чем его обвинит. Дышать становилось трудно от одной мысли об этом. С другой стороны, этот аккаунт был единственным наследством от прежнего владельца тела, которое ему действительно нравилось — в ненависти к Мэй Цзибаю они сходились идеально. Если это безопасно, он хотел бы и дальше общаться с подписчиками. В конце концов, месть — тяжелая ноша, и ему нужна была хоть какая-то отдушина.

Слова Шэнь Бояня звучали резковато, но Гу Цину импонировала такая прямолинейность. Он взмахнул папкой с документами, подзывая помощников.

— Давайте перейдем к делу.

— Давайте, — согласился Шэнь Боянь, чувствуя, что день прошел не зря.

Гу Цин определенно стал другим. В нем сочетались сдержанная рассудительность и дерзкая, свободная натура. Интересный персонаж. Шэнь Бояню не терпелось увидеть, что еще он выкинет на публику, как долго Мэй Цзибай будет это терпеть и когда, наконец, всплывет правда об аккаунте...

Скучно в ближайшее время точно не будет.

Мэй Цзибай — человек крайне педантичный, а Гу Цин... Гу Цин — полная его противоположность, даже когда пытается притворяться.

После обсуждения контракта Шэнь Боянь окончательно убедился: байка про «ударился головой и поумнел» — чистая правда. Раньше перед ним был пустой, набитый соломой манекен, а теперь — человек, который говорит по существу и понимает суть вещей.

Пожалуй, с ним можно иметь дело.

— В любом случае, — серьезно произнес Шэнь перед уходом, — мне любопытно, чем все закончится. Мэй Цзибай в нашем кругу считается фигурой неприкосновенной. Удачи. Жду не дождусь того дня, когда ты проколешься. Учтывая, сколько удовольствия ты мне доставил, я, так и быть, подумаю о том, чтобы протянуть тебе руку помощи, когда это случится.

— Оценил, — усмехнулся Гу Цин. — Спасибо.

Проводив гостя и разобравшись с делами, он собрался домой. Чтобы не сталкиваться с Е Ваньжуном один на один, он решил заехать за Мэй Цзибаем. Однако едва его машина выехала с подземной парковки, дорогу преградила чья-то фигура.

Присмотревшись, Гу Цин узнал своего «дражайшего» младшего шурина. Тот стоял, по-хозяйски уперев ногу в капот, с перекинутым через плечо рюкзаком и леденцом во рту, который он мусолил с таким видом, будто это была сигарета.

Гу Цин вышел из машины и, глядя на подростка, который был на голову ниже него, нахмурился:

— А ну, убери ногу! Ты совсем страх потерял — под колеса кидаться? А если бы я не успел затормозить? Жить надоело?!

Е Байцин с хрустом разгрыз леденец, проглотил осколки и с досадой пнул капот еще раз, прежде чем соизволил встать нормально.

— Даже если бы ты не затормозил, я бы успел отскочить, — буркнул он, задрав подбородок. — Нечего тут строить из себя заботливого.

Гу Цин так и поперхнулся от возмущения:

— Ты в своем уме? С жизнью решил поиграть? Ладно, раз меня не слушаешь, я твоему брату все расскажу!

— Не вздумай меня им пугать! — Е Байцин дернул лямку рюкзака. — Если бы ты не лип к нему дома как банный лист, мне не пришлось бы ловить тебя здесь.

Гу Цину не хотелось спорить с ребенком. Убедившись, что пацан цел, он взглянул на часы.

— Липну я к нему или нет — не твое дело. Есть что сказать? Говори.

Е Байцин скривился и уставился на Гу Цина:

— Не думай, что если вы поженились, то это что-то значит. Я тебя не признаю! И мама тебя терпеть не может!

— Да-да-да, — закивал Гу Цин. — Я в курсе. Еще новости будут?

— Мой брат никогда тебя не полюбит! Даже не мечтай!

— С чего бы это? Малыш, слышал когда-нибудь, что любовь приходит со временем?

— Я не малыш!

— Хорошо-хорошо, не малыш.

Е Байцин едва не задохнулся от ярости. Это пренебрежительное отношение выводило его из себя.

— У брата есть тот, кого он любит. И тех, кого больше нет, не заменить никем! Это... звучит жестоко, но тебе никогда не превзойти Юй Цзиньняня. Хотя я и его не любил, но вы оба его не стоите!

Слушая этот пламенный спич преданного фаната своего брата, Гу Цин едва удержался, чтобы не ковырнуть в ухе.

— В чем-то ты прав, а в чем-то — нет. Мне вовсе не нужно соревноваться с покойным Юй Цзиньнянем. Мы оба действительно его не стоим, так что сравнивать нас — пустая трата времени.

Судя по всему, Е Ваньжун придерживалась того же мнения. Дети обычно не фильтруют базар, и слова мальчика лишь подтверждали: мать Мэй Цзибая его действительно не жаловала. Что ж, они просто разные люди.

Спокойствие Гу Цина сбило Е Байцина с толку. Все пошло не по сценарию! Он так долго выжидал момента, чтобы устроить ему взбучку, пока брат не видит, а тот выдал такое...

Подросток растерянно сжал лямки рюкзака:

— Почему ты так говоришь? Ты что, не любишь моего брата?

— Разумеется, нет, — отрезал Гу Цин. — Это чисто деловой союз.

Видеть, как парень впадает в полный ступор, было даже забавно. Гу Цин не удержался и слегка ущипнул его за щеку. Видимо, для человека, боготворящего своего брата, мысль о том, что кто-то может его не любить, была за гранью понимания.

Впрочем, перед кем угодно он мог разыгрывать спектакль, но врать в глаза ребенку не хотелось.

Е Байцин оттолкнул его руку и выкрикнул:

— Тогда зачем ты несешь всю эту чушь на людях?!

— Мы с твоим братом связаны обязательствами. На публике мы должны держать марку.

Хорошие отношения между нами выгодны обоим нашим семьям.

Е Байцин поджал губы, и Гу Цин с тревогой заметил, что тот вот-вот разрыдается. Только этого не хватало! Грозный бунтарь оказался плаксой. Он не знал, как вести себя с подростками, и звонок Мэй Цзибая стал для него истинным спасением.

— Как раз вовремя, — выдохнул он в трубку.

— Байцин у тебя? — сразу спросил Мэй Цзибай.

— Угу. Откуда знаешь?

— Его одноклассник сообщил. Вези его ко мне, поедem домой вместе.

Гу Цин согласился и, глядя на поникшего, как прибитый морозом росток, Е Байцина, спросил Мэй Цзибая:

— И ты даже не спросишь, зачем он ко мне притащился?

— Наверняка предупреждал, чтобы ты не зарился на то, что тебе не принадлежит, и в красках расписывал, как сильно я тебя не люблю.

Гу Цин негромко рассмеялся:

— Сразу видно, братья. Ладно, везу его к тебе. Учти, утешать я его не буду, сам разбирайся со своим сокровищем.

Всю дорогу до офиса они не обменялись ни словом. На парковке Здания корпорации Мэй Гу Цин первым вышел из машины и, увидев подходящего Мэй Цзибая, распахнул заднюю дверь.

— Он искал неприятностей. Те два отпечатка на капоте — его рук, вернее, ног, дело.

Мэй Цзибай бросил на него успокаивающий взгляд и заглянул в салон. Е Байцин забился в угол сиденья; глаза у него были красные, вид — совершенно несчастный.

Но не успел старший брат вымолвить и слова, как младший взорвался:

— Брат! Как он может тебя не любить?! Почему ты не заставил его в тебя влюбиться?! Ты... ты просто неудачник!

Стоявшие у машины Мэй Цзибай, Гу Цин и водитель Сюэ Минтао на миг остолбенели. Гу Цин первым не выдержал и расхохотался в голос.

Боже, это было слишком смешно!

<http://bllate.org/book/17544/1708900>